

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.71.85.023

Соотношение и взаимодействие права и морали в регулировании общественных отношений

Ланг Петр Петрович

Кандидат юридических наук, доцент,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: petr.lang@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье приведен сравнительный анализ таких социальных категорий как право и мораль, определены критерии их соотношения и взаимодействия. Особо выделяется регуляторная функция названных категорий и их аксиологический потенциал. При обозначенном анализе автор активно использует работы классика немецкой философии И. Канта, а также позиции, выработанные современными авторами в рассматриваемой тематике. Приводятся примеры из судебной правоприменительной практики в качестве иллюстрации приведенных автором доводов. В настоящей статье отдельно делаются акценты на таких научных конструкциях как «строгое право» и «правовой долг», а также на плюрализме мнений относительно понимания права, морали и сосуществования последних. Автором констатирован процесс последовательной трансформации морального в правовое, приведены причины, обуславливающие данную трансформацию. В том числе речь идет о потребности в особой защите со стороны государства отдельных прав, свобод, законных интересов субъектов правоотношений именно с нравственно-моральных позиций.

Для цитирования в научных исследованиях

Ланг П.П. Соотношение и взаимодействие права и морали в регулировании общественных отношений // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 2А. С. 172-180. DOI: 10.34670/AR.2021.71.85.023

Ключевые слова

Право, мораль, аксиология, регулятор, правовая ценность, правовой долг.

Введение

Общественное устройство и межличностное сосуществование субъектов правоотношений базируется на определенных закономерностях, опосредованных различными социальными институтами, среди которых особое место занимают право и мораль. Ни для кого не секрет, что в юридической доктрине вопрос соотношения права и морали воспринимается неоднозначно [Серков, 2020]. Разнообразные трактовки поднятой темы неизбежно обуславливают неопределенность ее понимания, что впоследствии отражается на герменевтическом осмыслении коммуникаций правового и морального. В связи с чем, актуальность обозначенного вопроса не уменьшается и в настоящее время.

Основная часть

Затрагивая вопрос о соотношении рассматриваемых категорий, следует определиться с их системообразующими качествами, обуславливающими их единство и различие.

Появлением в научной мысли позиции о самостоятельном статусе права, в целом обусловлено существованием теории так называемого «строгого права». Известный философ И. Кант отмечал особенность «строгого права», которая выразилось в том, что к подобному праву не применяется ничего этического, нравственные предписания не соотносятся с правом, параллельны ему. Размышляя о связях принуждения и права И. Кант также указывал, что право использует в качестве объекта сугубо внешнюю сторону поступка субъекта межличностного взаимодействия, регулируемого нормами права [Кант, 2000].

По Канту «строгое право» ввиду специфических особенностей и характеристик представляет собой исходный элемент для восприятия и познания новых граней соотношения морального и правового.

Подобный вектор развития доктрины, в основе которого находятся представления о «строгом праве», выражается и демонстрируется в ряде позиций, озвученных и обоснованных в научно-публицистической юридической и философской литературе, и сводящихся к парадигме самостоятельности права и морали, к их автономному свойству и характеру в системе социального устройства, а также регулирования общественных отношений. При этом правовой материи отводится наиболее передовое значение, как в регулировании общественных отношений, так и для общественного процесса в целом. Однако при очевидной автономности рассматриваемых явлений невозможно не учитывать взаимодополняемость права и морали. Констатация обратного является как минимум нелогичной и явно дискуссионной позицией.

Философское обоснование о взаимодополняемости права и морали встречается у И.Канта и его последователей [Соловьев, 1992]. Подобные заключения видятся наиболее перспективными в научном отношении и обладают позитивным зарядом в практическом правореализационном плане. Внимание прикладному значению обозначенного соотношения и дополнения права и морали будет освещено далее в настоящей работе при анализе примеров судебной практики.

Озвученные и обоснованные И. Кантом выводы, позволяют с методологической стороны в регулятивной плоскости поставить на одну шкалу право и мораль посредством их ценностного содержания.

Важно учитывать, что регуляторные функции морали ограничены соответствующим назначением рассматриваемого регулятора. То есть посредством морали возможно оценить

какое-нибудь событие либо поступок субъекта (группы субъектов) межличностного общения в разрезе хорошее-плохое, правильное-неправильное, доброе-злое и тому подобное.

Определять мораль исключительно как регулятора не является верным, поскольку мораль помимо регуляторного потенциала представляет собой идеалы, ценности и основы мироустройства социума, которое в свою очередь защищается правом в виде целого комплекса охранительных правовых механизмов.

Мораль так же в свою очередь, исходя из сформированной в обществе иерархии ценностей, идеалов возвышает право, усиливает его сакральное значение в регулировании общественных отношений. Другими словами, сакральность права обусловлено моральными идеалами, ценностями, являющимися эквивалентом должного в межличностном общении. Совершенно оправданно в данной связи указывает Н.Г. Лукьянова, что «священность» права во многом раскрывается через мораль, которая утверждается в гражданском обществе и через свои высшие идеалы, ценности возвышает право. Далее автор отмечает, что мораль действует как духовный фактов, возвышает объективное право, придает ему не только регулятивную, но и самую высокую духовную значимость. Данный результат достигается не только путем использование соответствующих определений, эпитетов, но и путем выработки особых категорий, отражающих в том числе моральную оценку права, среди которых Н.Г. Лукьянова называет – категорию «правовой долг» [Лукьянова, 2004].

Задолго до этого И. Кант озвучил проблему «правового долга», в частности философ констатировал, что посредством названной категории формируется высшая моральная оценка права. По его мнению, любовь к человеку, уважение к праву людей представляет собой долг. При этом любовь к человеку – долг обусловленный, а уважение к праву – долг безусловный, характеризующейся абсолютным повелеванием [Кант, 2000].

Таким образом, уважение к праву для каждого человека есть безусловный долг, императивный характер которого безапелляционен и не подвергается сомнению. Первоочередное значение указанного долга ярко иллюстрирует его приоритет над такой ценностью как «любовь» («любовь к человеку»). Неслучайно философ указывает, что долг возлюбить ближнего является обусловленным, в отличие от абсолютно повелевающего «правового долга».

Однако обозначенная константа характерна и оправдана только для гражданского общества, то есть для общества, в котором в виду объективных, естественных обстоятельств право обуславливает гуманистический, социальный, правозащитный потенциал, раскрывает и защищает либеральные ценности в системе межличностного сосуществования. Ядром подобного общества является человек, его права и свободы. А правовая материя во всем своем многообразии нацелена на защиту указанного ядра, обеспечивает соблюдение баланса публичных и частных интересов с учетом устоявшейся в обществе иерархии ценностей.

Обозначенная иерархия ценностей в свою очередь формируется под воздействием морально-этических воззрений, царящих в обществе.

В этой связи не случайно встречаем у профессора О.Ю. Рыбакова в одной из его многочисленных работ заключение о том, что «добро, красота, долг, совесть, честь, справедливость, гуманизм как категории этики формируют значение тех или иных явлений, событий процессов». Далее автор продолжает, что названные категории явствуют в актуальном бытии индивида, являются обязательными элементами окружающего мира и в результате их качеств выступают критериями потенциального бытия, будущих актов поведения, которые проецируются исходя из названных категорий [Рыбаков, 2021].

Продолжая анализ поднятой тематики уместно привести следующую позицию И. Канта, опосредующую соотношение морали и права через призму «правового долга». Итак, классик мировой философии отмечал, что «политические максимы должны исходить из чистого понятия правового долга (из долженствования, принцип которого дан а priori чистым разумом)» [Кант, 2020].

Следовательно, констатируя приоритетность правового над политическим, И. Кант воспринимает онтологию правового долга посредством морального «долженствования», основу которого составляют принципы чистого права.

Любопытно заметить, что со времен И. Канта данная проблема не теряет своей актуальности. Вопросы соотношения политики и морали в наши дни так же остры, являются предметом многочисленных дискуссий. В данной связи возрастает роль права, как сдерживающего власть механизма.

Без надлежащего правового регулирования противостояние политики и морали не имеет перспектив. И политика, и мораль особо значимы для процесса организации общественного сосуществования. Оба указанных явления обладают собственным статусом, занимают отдельные ниши в общественном устройстве, характерные и соответствующие их целям и задачам. В связи с чем, только конструктивная консолидация политики, морали и права способна в итоге породить позитивные решения в ходе общественного сосуществования.

В подобных условиях особая роль уделяется морали, которая в свою очередь, как уже было сказано ранее, подчеркивает сакральный характер права и посредством последнего в отдельных случаях способна доминировать над политикой, а также трансформировать ее под критерии гуманизма, верховенства прав и свобод человека и иных социальных потребностей и вызовов гражданского общества.

Следует учитывать, что мораль и право, по сути, являются самостоятельными регуляторами, имеют характеристики автономного свойства. Однако в общественном сознании прочно укрепились представления о том, что соотношение рассматриваемых категорий при приоритетном функционировании морали дает начало справедливости, выражающейся в соблюдении баланса, равновесия в правовом регулировании.

Нормативное закрепление положений о равенстве перед законом обусловлено, в том числе моральными критериями и ценностями (например, статья 19 Конституции Российской Федерации, статья 7 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Принцип равенства, закрепленный в Конституции Российской Федерации, является по своей природе целеполагающим принципом, поскольку он в совокупности с иными аксиологическими категориями определяет итоговую цель развития права, формирует критерии деятельности законодательных органов. Подтверждая высказанную позицию, А.А. Волос также указывает, что принцип равенства, преломляясь через методы отдельных отраслей права, формирует принципы-методы, специфические для той либо иной сферы правового регулирования [Волос, 2017].

В качестве иллюстрации правовой категории «равенства» (последовательно эволюционировавшей в один из общепризнанных принципов права [Чеботарева, 2018]), необходимо продемонстрировать следующие примеры судебной практики.

В рамках дела №А09-12191/2018 Арбитражным судом Брянской области рассматривался спор по заявлению акционерного общества, которое по внешнеторговым контрактам с иностранной организацией осуществляла ввоз на территорию России товара, поименованного как «оплодотворенные инкубационные куриные бройлерные яйца».

При таможенном декларировании товар классифицирован обществом по коду Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза которая предусматривала ставку ввозной таможенной пошлины 0 процентов от таможенной стоимости.

Брянская таможня в ходе соответствующей проверки изменила классификацию части задекларированного товара в связи, с чем ставка ввозной таможенной пошлины составила 15 процентов от таможенной стоимости, в результате обществу начислены таможенные платежи в виде ввозной таможенной пошлины и налога на добавленную стоимость).

Не согласившись с результатами выездной таможенной проверки, общество обратилось в арбитражный суд с требованием о признании решений таможенного органа незаконными.

Решением Арбитражного суда Брянской области от 17.01.2019, оставленным без изменения апелляционной и кассационной инстанциями, в удовлетворении заявления общества отказано. Суды трех инстанций, согласились с выводами таможенного органа о классификации ввезенных товаров, поскольку часть ввезенных товаров по результатам процедуры инкубирования оказалась неоплодотворенной, суды в данном случае посчитали, что эта часть товаров не подпадает под товарную позицию со ставкой ввозной таможенной пошлины 0 процентов.

В свою очередь Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указанные выводы посчитала ошибочными, указав на то, что суды не установили обстоятельств, которые бы свидетельствовали о том, что общество, действуя недобросовестно, заведомо знало о том, что ввозимый товар непригоден для инкубации. Доказательств того, что общество ввозило один товар (яйца свежие) под видом другого (яйца для инкубации) и имело намерение получить экономию таможенных платежей за счет этого, таможенный орган не представил. В таких условиях возложение на общество обязанности по уплате таможенных платежей с неоплодотворенной части инкубационных яиц, имеющих большую стоимость и подлежащих утилизации, по тем же ставкам таможенных пошлин, которые установлены в отношении относительно более дешевых свежих яиц, предназначенных для потребления, **нарушает принцип равенства** и придает данным платежам характер санкции, налагаемой на добросовестных участников внешнеэкономической деятельности при отсутствии противоправного поведения с их стороны, что не может быть признано допустимым [Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2020 № 310-ЭС19-24856].

В рамках другого дела №А41-4403/2018 участник строительства обратился в арбитражный суд в ходе процедуры банкротства застройщика с заявлением о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства в виде кладовой общей площадью более 30 кв.м.

Арбитражные суды первой и апелляционной инстанции оставили заявленное требование без удовлетворения. При этом суды установили, что участник строительства свои обязательства по договору об участии в долевом строительстве перед застройщиком исполнил в полном объеме, а обязательство последнего осталось неисполненным, объект недвижимости участнику строительства не передан. Однако суды констатировали, что из буквального толкования норм параграфа 7 главы IX Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», положения пункта 1 части 1 статьи 201.8 указанного закона не применимы к данным спорным правоотношениям, поскольку спорный объект недвижимости является нежилым помещением с площадью более семи квадратных метров. При этом суды отклонили довод заявителя о наличии вступившего в силу судебного акта о признании за иным участником строительства права собственности на аналогичный объект недвижимости для **целей уравнивания положения заявителя** по сравнению с указанным в этом судебном акте лицом.

Арбитражный суд округа, удовлетворяя заявленное требование о признании права собственности, выводы нижестоящих судов не поддержал. В постановлении от 31.08.2020 суд кассационной инстанции указал, что поскольку в отношении аналогичного объекта недвижимости в этом же доме уже признано в судебном порядке право собственности за другим гражданином, а в рассматриваемом случае, заявитель надлежащим образом исполнил свои договорные обязательства, отказ в признании права собственности на такой же объект недвижимости противоречит *принципу равенства* участников гражданского оборота [Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.08.2020 по делу №А41-44403/2018].

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в своих судебных актах также неоднократно указывал на необходимость при разрешении споров исходить из принципов правовой определенности и равенства прав всех участников гражданско-правовых отношений [Определения Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2015 № 305-ЭС14-1186 и от 17.09.2015].

Приведенные примеры правоприменительной практики арбитражных судов свидетельствуют о том, что принцип равенства, среди прочего предполагает необходимость предоставления одинаковой степени защиты в отношении всех граждан и юридических лиц. Что в свою очередь, видется морально выдержанным и справедливым.

Моральные представления о справедливости и равенстве олицетворяют основу, фундамент качества права, его сущностный аксиологический потенциал [Ланг, 2020].

Без сомнения подобная постановка вопроса требует критического осмысления, должной конкретизации, мотивированного обоснования. При этом исходной константой предполагается первичность права как социальной ценности доминирующей в области общественных сношений и социального устройства.

Сложность научного осмысления рассматриваемых категорий вызвана неоднозначностью их понимания в доктрине.

В качестве примера различных вариантов понимания, восприятия и интерпретации права можно привести следующие дефиниции: право – это минимум нравственности, для всех обязательный; взгляд на право как на реализацию правомочий должностных и юридических лиц: право – это то, что делает суд; социально-психологический подход: право – это совокупность императивно-атрибутивных эмоций субъектов общений; концепция естественного права: право – это совокупность норм и принципов, вытекающих из природы человека [Лукьянова, 2004] и многое другое.

В науке понимание морали также не является единообразным. Например, в словаре русского языка мораль понимается как правила нравственности и сама нравственность, а нравственность в свою очередь представляет собой правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение указанных правил поведения [Ожегов, 2019].

Философский словарь Андре Конт-Спонвиля мораль определяет как совокупность обязанностей, обязательств и запретов, которые человек добровольно налагает на себя вне зависимости от ожидаемой награды или наказания [Конт-Спонвиль, 2012].

В другом источнике встречается, что в морали выражены представления людей о добре и зле, справедливости, достоинстве, чести, трудолюбии, милосердии [Марченко, 1998].

Мораль и нравственность, как правило, отождествляется в науке и в обыденном общении. При этом также встречаются попытки разграничить названные категории, предполагая,

например, под моралью – определенную совокупность норм, а под нравственностью – уровень соблюдения указанных норм, то есть степень измерения состояния морали.

Важно осознавать, что наполненность категорий морали и нравственности, их онтологическая составляющая во многом зависит от историко-культурных традиций и особенностей общественного устройства в конкретном государстве либо ином социальном образовании.

Обосновывая озвученное, яркий пример приводит в своем диссертационном исследовании Н.Г. Лукьянова: «высокоморальным поведением с точки зрения представителя каннибальских племен Новой Гвинеи является убийство и торжественное совместное поедание своего врага, тогда как с точки зрения христианина такое поведение было бы ужасающим противоречием всей системе морально-нравственных установок» [Лукьянова, 2004].

Кроме того, расхожие интерпретации тех либо иных моральных приоритетов зависят непосредственно от личностей субъектов межличностных отношений. Указанные свойства личности формируются на протяжении всей жизни человека под воздействием ряда внутренних и внешних факторов.

Все это определенно свидетельствует об оценочном характере рассматриваемых категорий. При этом система норм морали является наиболее субъективной, нежели система норм права, ввиду объективизации и нормативного закрепления последних.

Представляется позитивным для конкретизации и единообразия правового регулирования нивелировать наиболее оценочные категории из текстов нормативно-правовых актов. Подобное сведет к минимуму различия в правоприменении и правореализации при схожих обстоятельствах, что как следствие положительно отразится на стабильности регулирования общественных отношений.

Возвращаясь к поднятой тематике о соотношении правового и морального в межличностном взаимодействии, необходимо подчеркнуть, что право сосредоточено во внешней, а мораль во внутренней (духовной) составляющей субъекта, указанного взаимодействия.

В подтверждении сказанного уместно привести ряд следующих доводов.

Система обязательных к исполнению правовых норм установлена в обществе специальными государственными органами и соответственно играет роль внешнего регулятора общественных отношений. Другими словами, норма права воздействует на поведение человека из вне. Так неисполнение императивных предписаний закона, как правило, влечет негативные правовые последствия (юридическую ответственность) со стороны государства (очевидно внешнее воздействие). А надлежащее соблюдение норм права обуславливает определенные блага для субъектов общественных отношений.

Заключение

Нормы морали, формируемые подавляющим большинством членов общества под воздействием установленной иерархии социальных ценностей, реализуется в первую очередь посредством духовных (внутренних) свойств и переживаний человека. При этом, очевидно, допускается различная интерпретация рамок морально дозволенного. То есть в данном случае, важное значение играет внутреннее отношение субъекта межличностного взаимодействия к тому либо иному моральному правилу, принятому в обществе, а также отношение к реакции общества на аморальное поведение. Что нельзя проецировать по отношению к нормам права.

Личное непосредственное отношение человека (возможно крайне отрицательное) к положению закона, никоим образом не исключает обязательность соблюдения указанного нормативного акта и не влияет на негативные правовые последствия за неисполнение предписаний закона.

Однако не стоит игнорировать и недооценивать нормы морали, поскольку исторический опыт ярко демонстрирует, что подавляющее большинство нормативных установлений – это результат морально-нравственной оценки межличностных взаимоотношений.

Подобная трансформация морального в правовое обусловлена потребностью особой защиты со стороны государства отдельных прав, свобод, законных интересов субъектов правоотношений.

Более того, в современном развитом правовом порядке очевиден приоритет социально-моральной ориентации правового регулирования. Человек, его права и свободы, находясь на пьедестале иерархии ценностей любого правового государства, гражданского общества, определяют сущность действующих законов и иных нормативных актов, формируют вектор развития законодательства, закрепляют аксиологический и правозащитный потенциал правовой материи.

Библиография

1. Волос А.А. Принцип равенства субъектов гражданского права и его межотраслевые связи // Гражданское право. 2017. № 6. С. 23-26.
2. Дегтярева Л.Н. Принцип правового равенства в системе конституционных принципов правового статуса личности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 3-6.
3. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1, 4. – Ч.2.
4. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна. 2012. 752 с.
5. Ланг П.П. Сущность права: социально-аксиологическая интерпретация // Судопроизводство в арбитражных судах: антология научной мысли и практика правоприменения: сборник научных трудов Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда / под ред. Н.Р. Сафаевой. Самара. 2020. С. 139-143.
6. Лукьянова Н.Г. Нравственность и право как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Пенза, 2004. 197 с.
7. Общая теория государства и права. Академический курс // под ред. М.И. Марченко. М. 1998. Т.2. 576 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Мир и образование. 2019. 1376 с.
9. Рыбаков О.Ю. Теория государства и права: Вопросы и ответы. М.: Прометей. 2017. 220 с.
10. Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2021. 240 с.
11. Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования): монография. М.: Норма. 2020. 688 с.
12. Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М. 1992.
13. Чеботарева И.Н. Принцип равенства сторон (Equality of Arms) в уголовном процессе, выработанный Европейским судом по правам человека // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 4. С. 8-11.

Correlation and interaction of law and morality in the regulation of public relations

Petr P. Lang

PhD in Law, Associate Professor,
Samara State University of Economics,
443090, 141 Sovetskaya Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: petr.lang@mail.ru

Abstract

This article presents a comparative analysis of such social categories as law and morality, and defines the criteria for their correlation and interaction. The regulatory function of these categories and their axiological potential are particularly highlighted. In this analysis, the author actively uses the works of the classic of German philosophy I. Kant, as well as the positions developed by modern authors in the subject under consideration. Examples from judicial law enforcement practice are given as an illustration of the arguments given by the author. This article separately focuses on such scientific constructions as "strict law" and "legal duty", as well as on the pluralism of opinions regarding the understanding of law, morality and the coexistence of the latter. The author states the process of successive transformation of the moral into the legal, and gives the reasons for this transformation. In particular, we are talking about the need for special protection by the state of certain rights, freedoms, and legitimate interests of the subjects of legal relations from a moral and moral standpoint.

For citation

Lang P.P. (2021) Sootnoshenie i vzaimodeistvie prava i morali v regulirovanii obshchestvennykh otnoshenii [Correlation and interaction of law and morality in the regulation of public relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (2A), pp. 172-180. DOI: 10.34670/AR.2021.71.85.023

Keywords

Law, morality, axiology, regulator, legal value, legal duty.

References

1. Volos A. A. The principle of equality of subjects of civil law and its intersectoral relations. 2017. No. 6. pp. 23-26.
2. Degtyareva L. N. The principle of legal equality in the system of constitutional principles of the legal status of the individual // State power and local self-government. 2018. No. 2. pp. 3-6.
3. Kant I. Works in German and Russian. Vol. 1, 4. - Ch. 2.
4. Conte-Sponville A. Philosophical dictionary / trans. with fr. E. V. Golovina. M.: Eterna. 2012. 752 p.
5. Lang P. P. The essence of law: socio-axiological interpretation // Legal proceedings in arbitration courts: anthology of scientific thought and practice of law enforcement: collection of scientific works of the Eleventh Arbitration Court of Appeal / ed. by N. R. Safaeva. Samara. 2020. pp. 139-143.
6. Lukyanova N. G. Morality and law as normative-value regulators of human behavior: socio-philosophical analysis: Dis. ... cand. philos. sciences'. Pyatigorsk, 2004. 197 p.
7. General theory of State and law. Academic course // edited by M. I. Marchenko. M. 1998. Vol. 2. 576 p.
8. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Mir i obrazovanie. 2019. 1376 p.
9. Rybakov O. Yu. Theory of state and law: Questions and answers. M.: Prometheus. 2017. 220 p.
10. Rybakov O. Yu. Philosophy of law: textbook for masters. Moscow: Prospekt, 2021. 240 p.
11. Serkov P. P. Legal relationship (The morality of modern legal regulation): monograph. M.: Norma. 2020. 688 p.
12. Solov'ev E. Yu. I. Kant: complementarity of morals and law. Moscow, 1992.
13. Chebotareva I. N. The principle of equality of the parties (Equality of Arms) in criminal proceedings, developed by the European Court of Human Rights // International criminal law and international justice. 2018. No. 4. pp. 8-11.